

УДК 342.9, 338.012, 338.2, 338.5, 347.1.
<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2022-SpV-20-29>

ISSN: 2542-0259
© Российское конкурентное право
и экономика, 2022

Трансформация конкуренции в безуглеродной экономике

Башлаков-Николаев И.В.,

Ассоциация антимонопольных
экспертов,
Институт государственной
службы и управления
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации,
119606, Россия, г. Москва,
пр-т Вернадского, д. 84

Аннотация

Рассмотрены вопросы трансформации экономики в результате энергоперехода и достижения углеродной нейтральности. Исследования и обсуждаемые проекты нормативных правовых актов указывают на наличие ряда негативных факторов, возникающих при переходе к углеродно нейтральной экономике. Так, отказ от финансирования традиционных топливных рынков способен привести их в состояние стагнации несмотря на то, что ископаемое топливо еще очень долго востребовано, в том числе и для производства безуглеродных видов топлива. При оценке последствий перехода экономики к углеродной нейтральности с точки зрения регулирования отношений конкуренции, как правило, не оцениваются факторы, нехарактерные для традиционной экономики. Вызовы для конкуренции на традиционных рынках до недавнего времени формировались, как правило, в результате объективно эволюционного развития технологии и товарных рынков под влиянием экономико-правового механизма монополизации. В настоящее время условия перехода к углеродно нейтральной экономике формируются целенаправленно независимыми от большинства государств мира (в том числе России) центрами принятия решений и регулирования. Это создает новые искусственные угрозы для конкуренции, требующие не только осмысления, но и быстрого принятия адекватных мер реагирования в целях защиты рынков от негативного воздействия новых угроз для отвечающего интересам России соперничества хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: безуглеродная экономика, низкоуглеродная экономика, «зеленая» экономика, конкуренция, ограничение конкуренции.

Для цитирования: Башлаков-Николаев И.В. Трансформация конкуренции в безуглеродной экономике // Российское конкурентное право и экономика. 2022. SpV. С. 20–29, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2022-SpV-20-29>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Transforming Competition in a Carbon-Free Economy

**Igor V. Bashlakov-
Nikolaev,**

Competition Experts Association,
Institute of Public Administration
and Civil Service of the Russian
Presidential Academy of
National Economy and Public
Administration,
Prospect Vernadskogo, 84,
Moscow, 119606, Russia

Abstract

The article deals with the issues of transformation of the economy as a result of energy transition and the achievement of carbon neutrality. The studies and the discussed draft regulatory legal acts indicate the presence of a number of negative factors arising in the transition to a carbon neutral economy. Thus, the refusal to finance traditional fuel markets can lead them to a state of stagnation, despite the fact that fossil fuels have been in demand for a very long time, including for the production of carbon-free fuels. When assessing the consequences of the transition of an economy to carbon neutrality in terms of regulation of competition relations, as a rule, factors uncharacteristic of the traditional economy are not evaluated. Until recently, challenges to competition in traditional markets were formed, as a rule, as a result of the objectively evolutionary development of technology and product markets under the influence of the economic and legal mechanism of monopolization. At present, the conditions for the transition to a carbon-neutral economy are formed by decision-making and regulation centers purposefully independent from most countries in the world (including Russia). This creates new artificial threats to competition that require not only reflection, but also the rapid adoption of adequate response measures in order to protect markets from the negative impact of new threats to the rivalry of economic entities that is in Russia's interests.

Keywords: *carbon-free economy, low-carbon economy, green economy, competition, restriction of competition.*

For citation: Bashlakov-Nikolaev I.V. Transforming competition in a carbon-free economy // Russian Competition Law and Economy. 2022;(SpV):20-29 (In Russ.), <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2022-SpV-20-29>

The author declare no conflict of interest.

Понятие «низкоуглеродная» экономика и его синонимы «декарбонизированная» экономика, “LCE”, «НЭ» сравнительно недавно введены в научный и официальный оборот для обозначения нового направления в развитии традиционной экономики, ориентированного на сокращение выбросов парниковых газов (в частности, двуокиси углерода) без ущерба для темпов экономического роста [1, с. 11].

Переход к низкоуглеродной экономике в глобальном масштабе основывается на разрабатываемых и реализуемых стратегиях развития для достижения низкого уровня эмиссии парниковых газов с последующим достижением углеродной нейтральности. Эти стратегии направлены на достижение целей социального, экономического и экологического развития при одновременном сокращении долгосрочных выбросов парниковых газов и повышении устойчивости к последствиям изменения климата. Ожидается, что переход на возобновляемые источники энергии будет иметь существенные геополитические последствия. Бывшие экспортеры ископаемого топлива, по мнению части экспертов, потеряют свое геополитическое влияние, в то время как позиции бывших импортеров ископаемого топлива и стран, богатых возобновляемыми энергетическими ресурсами, укрепятся. При этом нельзя не обратить внимание на то, что понятие «низкоуглеродная» экономика в мировой политической повестке постепенно вытесняет близкое, но более узкое понятие «зеленой» экономики, определяемое в Программе ООН по окружающей среде 1972 г. (UNEP) как экономика, которая «повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднение». «Зеленая» экономика является не только низкоуглеродной, но и ресурсоэффективной, а также социально-инклюзивной¹.

По мнению Е.П. Ермаковой, после заключения Парижского климатического соглашения 2015 г.² на смену концепции «устойчивого развития экономики» уверенно пришла концепция «зеленой» экономики, приоритетом которой является улучшение здоровья и обеспечение социальной справедливости, снижение опасных воздействий на окружающую среду [2, с. 617].

Основу «зеленой» экономики, как считает Е.В. Новикова, составляет «зеленая» энергетика, которая помимо возобновляемых источников энергии (ВИЭ) охватывает вопросы торговли квотами на эмиссию парниковых газов, энергоэффективность и ресурсосбережение [3, с. 16]. В «зеленую» экономику помимо «зеленой» энергетики

включаются: «зеленое» финансирование и «зеленый» транспорт (водородные, гибридные и электромобили, высокоскоростные железнодорожные системы и другие компоненты).

При этом кредитные организации (особенно с иностранным участием) в настоящее время ориентированы на «зеленую» экономику [4, с. 212] и дополнительно могут потребовать само заключение государственной экологической экспертизы. Хотя у заказчика в силу закона нет обязанности его представлять, он будет вынужден это сделать. В противном случае кредитная организация сможет отказать в предоставлении заказчику финансирования.

Новый этап развития «зеленой» экономики как модели современного и ответственного отношения общества к природе, основанный на экономико-правовом принуждении и стимулировании, связан с принятием упомянутого ранее Парижского соглашения по климату 2015 г. как дополнения к Рамочной конвенции ООН об изменении климата 2015 г. — РКИК (Framework Convention on Climate Change, UN FCCC)³ как актом международного права. Статья 2.1 (с) Парижского соглашения требует приведения финансовых потоков в соответствие с переходом к низким выбросам парниковых газов и устойчивому климатическому развитию, что по сути означает повышение способности адаптироваться к неблагоприятным последствиям изменения климата, а также необходимость повышения климатической устойчивости и низкоуглеродного развития, понимаемого как снижение использования ископаемого углеводородного топлива.

Для перехода к низкоуглеродной экономике, отмечает А. Давыдова, будут предприниматься системные меры, ориентированные на перестройку экономики и определение новых приоритетов [5]. Они потребуют также «интенсивного» сценария (чтобы достичь углеродной нейтральности хотя бы к 2060 г.), а не базового (предполагающего рост выбросов парниковых газов) для реализации проекта стратегии долгосрочного низкоуглеродного развития. Уже сегодня необходимо иметь ясные представления о том, какие именно формы углеродного регулирования окажутся наиболее эффективными для обеспечения финансовой и технологической поддержки трансформации экономики и бизнеса, в том числе перетекания капитала и инвестиций в менее углеродоемкие отрасли. Главная задача на сегодня состоит в синхронизации цели адаптации российской экономики к глобальному тренду на декарбонизацию и действующих сегодня в нашей стране официальных документов стратегического, отраслевого, регионального планирования.

¹ United Nations Environment Programme // <https://www.un.org/ru/ga/unep/docs.shtml> (Дата обращения: 26.11.2021).

² См.: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (Дата обращения: 26.11.2021).

³ См.: <http://renewnews.ru/un-fccc/> (Дата обращения: 26.11.2021).

Особенности «зеленой» экономики таковы, что они не могут не влиять на конкурентные отношения не только на углеводородных и энергетических рынках, но и на конкурентные отношения на всех других рынках, связанных с такими рынками за счет обязательных и волевых требований об отказе от отдельных технологий и товаров в пользу других.

Один из крупнейших производителей удобрений, американская компания CF Industries Holdings объявила об остановке двух своих производственных комплексов в Великобритании⁴. В своем заявлении компания поясняет, что причина этого — высокие цены на природный газ, и в настоящее время трудно прогнозировать, когда эти производственные комплексы возобновят работу.

Остановка этих заводов, производящих в основном аммиачно-нитратные удобрения, по мнению экспертов Bloomberg, приведет не только к снижению объемов производства компании, но создаст объективные стимулы для роста цен на удобрения на мировом рынке. Не исключено, что и другие производители могут последовать примеру CF Industries Holdings, а рынок расценит эту ситуацию как возможное закрытие других европейских производителей, и цены на удобрения продолжат рост при дефиците предложения.

Кроме того, отмечается, что недавний беспрецедентный уровень цен на газ уже оказывает серьезное давление на политику европейских государств в сфере «зеленой» энергетики⁵. Так, законодатель Испании, не дожидаясь решений Европейской комиссии, уже 14 сентября 2021 г. принял акт, ограничивающий прибыль энергетических компаний, а также индексацию тарифов на газ (не более 4,4% в третьем квартале) с целью сгладить внезапный рост цен на электроэнергию. Этому примеру могут последовать и другие европейские страны.

Рост цен на газ в основном объясняется низким уровнем запасов газа в подземных хранилищах Европы (70,75% на 14 сентября 2021 г. против 93% на ту же дату 2020 г.). Рыночные факторы, которые могут повлиять на ситуацию, включают: увеличение поставок сжиженного природного газа (СПГ), переключение европейской генерации с газа на уголь и снижение спроса. Последний фактор в основном зависит от погодных условий и наименее предсказуем. При этом СПГ пока по-прежнему в приоритетном порядке поставляется в Азию из-за более высоких цен. С начала года основные объемы СПГ из-за роста спроса поставлялись

в Азию, где в первом полугодии импорт (в основном за счет Китая, Японии, Южной Кореи и Индии) вырос на 22 млрд кубометров.

Кроме того, увеличение предложения может снять напряженность, связанную с ростом цены на газ в Европе. Так, считается, что скорейший ввод «Северного потока-2» «существенно сбалансирует» ценовые параметры на природный газ в Европе, в том числе и на спотовом рынке [6].

Изменяется ли экономика и ее регулирование с переходом к углеродной нейтральности?

По мнению С.Н. Бобылева, С.В. Соловьевой, И.Ю. Ховавако, в современном мире быстро формируется новая экономическая реальность, в которой экологические приоритеты из формальных становятся реальными [7]. Без них невозможно обеспечить устойчивое развитие не только новых моделей глобальной и национальных экономик, но и реализацию конкретных проектов хозяйственной деятельности. Все это требует адекватного отражения в государственной экологической политике. Экономические и правовые механизмы функционирования российской экономики должны правильно учитывать экологический фактор для снижения рисков ухода от экспортно-сырьевой модели развития.

Как отмечает Е.В. Новикова, в новой децентрализованной энергетике будет востребована и новая модель экономико-правового регулирования и стимулирования, построенная на совершенно ином, не иерархическом принципе [3]. По ее оценке, «горизонтальное» положение участников рынка в условиях саморегуляции (подобно взаимодействию участников сети Интернет) приведет к кардинальным изменениям социального устройства этих стран. Иерархическое построение, присущее углеводородной энергетике, будет заменено системой равноправных участников с новым статусом саморегулирования.

С точки зрения названного автора результатом грядущих изменений станет формирование такой новой комплексной отрасли права, как «зеленое» право, регулирующего правоотношения нового типа с новым, более демократичным наполнением действующих правовых принципов и методов регулирования. При этом будут изменены и роли государственного регулирования в целом, и роли конкретных публичных регуляторов. Эти перемены неизбежно затронут и сферу регулирования конкуренции.

Однако, на наш взгляд, современные реалии «мягкого» и «жесткого» принуждения значительной части мирового сообщества к декарбонизации по правилам, вырабатываемым глобальным Севером (технология такого принуждения ранее была многократно апробирована не только в области международной торговли,

⁴ См.: <https://www.kommersant.ru/doc/4987667> (Дата обращения: 26.11.2021).

⁵ См.: <https://www.kommersant.ru/doc/4986563> (Дата обращения: 26.11.2021).

финансов, борьбы с коррупцией, но и в гуманитарной сфере) [8], с постепенным переходом от рекомендаций к односторонним противоправным санкциям в отношении «нарушителей», таковы, что грядущее «зеленое» право вряд ли будет более демократичным, чем существующее международное и национальное энергетическое и конкурентное право.

Условия воздействия на конкуренцию при переходе к «зеленой» экономике

«Зеленая» экономика предполагает в качестве одного из своих общих принципов наличие конкурентных преимуществ у хозяйствующих субъектов, производящих, использующих, реализующих и утилизирующих «зеленую» продукцию, применяющих «зеленые» технологии, оказывающих «зеленые» услуги и выполняющих «зеленые» работы, которые обращаются на товарном рынке одновременно с товарами традиционной экономики с такими же потребительскими свойствами, что создает неравные конкурентные условия для «зеленых» и «незеленых» хозяйствующих субъектов. В качестве мер поддержки «зеленой» экономики используются не только различные формы прямых и косвенных имущественных преференций, но и прямые и (или) косвенные барьеры или санкции в отношении субъектов «незеленой» экономики.

А.А. Символоков обращает внимание на то, что в настоящее время не существует единого механизма поддержки технологий использования возобновляемых источников энергии [9]. Однако при любом механизме поддержки возобновляемой энергетики за такую поддержку «платит в том или ином виде конечный потребитель энергии» [10]. В связи с этим размер и форма поддержки технологий, использующих возобновляемые источники энергии, должны быть экономически обоснованы с учетом финансовых возможностей конечных потребителей.

Как уже отмечалось, по мнению Е.В. Новиковой, начало формированию «зеленого» права как правовой общности «экологизированных» положений различных отраслей права уже положено. Основу «зеленого» права сегодня составляют преимущественно нормы, институты и подотрасли экологического (природоохранного), природоресурсного, земельного, водного и лесного права. Кроме того, по ее мнению, правовые установления многих других отраслей права все больше адаптируются к нуждам «зеленой» экономики. В частности, к ним относятся: международное право; энергетическое право; финансовое, налоговое, банковское, бюджетное право; гражданское право, цифровое право и право интеллектуальной собственности [11]. В этом списке особое место должно занимать *конкурентное право*, под которым мы, разделяя точку зре-

ния С.В. Максимова, понимаем комплексную отрасль права, объединяющую не только подотрасли *антимонopolного материального и процессуального права*, но и подотрасли активно формирующегося в настоящее время *проконкурентного материального и процессуального права* [12]. Именно конкурентному праву принадлежит роль основного механизма, призванного обеспечить баланс законных интересов субъектов «зеленой» и «незеленой» экономики.

В Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденном Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. №12⁶ (далее — Стратегические направления), одним из интеграционных приоритетов является повышение энергосбережения и энергоэффективности, разрешение существующих экологических проблем и обеспечение устойчивого развития. В этой сфере предполагается объединение усилий по разработке и использованию новых (в том числе «зеленых») технологий, связанных, в частности, с возобновляемыми источниками энергии, моделями циркулярной экономики, биоинженерией и нанотехнологиями.

Стратегические направления предусматривают развитие экономического сотрудничества в сфере «зеленых» технологий и защиты окружающей среды (п. 8.3), включая, в частности, обмен передовым опытом и информацией о методах обеспечения устойчивого развития и развития программ «зеленой» экономики (п. 8.3.4) и разработку концепции внедрения принципов «зеленой» экономики в ЕАЭС (п. 8.3.7).

В соответствии с п. 80 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 (далее — Стратегия нацбезопасности), развитие «зеленой» и низкоуглеродной экономики отнесено к главным темам актуальной международной повестки. Возрастающая конкуренция за доступ к природным ресурсам отнесена к одному из факторов усиления международной напряженности и возникновения конфликтов между государствами⁷.

В соответствии с Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации (далее — Доктрина), утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. №216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации», к внешнеполитическим вызовам энергетической безопасности страны отнесено *наращивание международных усилий*

⁶ См.: Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/> (Дата обращения: 26.11.2021).

⁷ См.: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (Дата обращения: 26.11.2021).

по реализации климатической политики и ускоренному переходу к «зеленой» экономике (п. 9)⁸.

Согласно п. 10 названной Доктрины Россия не только поддерживает международные усилия, направленные на противодействие изменению климата, и готова к сотрудничеству в данной области со всеми государствами, но и принимает участие в решении вопросов международной климатической политики в той мере, в какой эта политика отвечает ее национальным интересам, связанным с повышением качества жизни граждан, охраной окружающей среды и рациональным природопользованием.

При этом наша страна считает недопустимым рассмотрение вопросов изменения климата и охраны окружающей среды с точки зрения ущемления интересов государств — производителей энергоресурсов и намеренного игнорирования таких аспектов устойчивого развития, как обеспечение всеобщего доступа к энергии и развитие чистых углеводородных энергетических технологий.

В соответствии с п. 11 данной Доктрины к внешнеэкономическим и внешнеполитическим угрозам энергетической безопасности России отнесены: а) сокращение традиционных для нашей страны внешних энергетических рынков и трудности, связанные с выходом на новые энергетические рынки; б) использование иностранными государствами договорно-правовых, международно-правовых и финансовых механизмов в целях нанесения ущерба топливно-энергетическому комплексу России и ее экономике в целом; в) дискриминация российских организаций топливно-энергетического комплекса на мировых энергетических рынках путем изменения международного нормативно-правового регулирования в сфере энергетики, в том числе под предлогом реализации климатической и экологической политики или диверсификации источников импорта энергоресурсов; г) незаконный отбор экспортируемых Россией энергоресурсов при их транспортировке по территориям иностранных государств.

Согласно п. 12 Доктрины внешнеэкономические и внешнеполитические угрозы для энергетической безопасности нашей страны частично реализуются путем введения рядом иностранных государств экономических мер, направленных на ограничение доступа российских организаций топливно-энергетического комплекса к некоторым современным технологиям и оборудованию, возможности привлечения этими организациями долгосрочного финансирования, осуществления совместных проектов с иностранными партнерами, а также путем прекращения совместного функ-

ционирования энергетических систем этих государств с энергетическими системами России или изменения технологических и (или) экономических условий такого совместного функционирования.

Перспективы развития конкурентного права в условиях перехода к «зеленой» экономике

В соответствии с подп. «в» п. 8 Доктрины *внешнеэкономическим вызовом* энергетической безопасности России является увеличение мировой ресурсной базы углеводородного сырья, усиление конкуренции экспортеров энергоресурсов, в том числе в связи с появлением новых экспортеров. *Внутренним вызовом* энергетической безопасности страны, согласно подп. «е» п. 17 Доктрины, выступают *необоснованная монополизация в отраслях ТЭК и неравные условия конкуренции в конкурентных видах деятельности в сфере энергетики*.

На предотвращение угроз конкуренции в энергетике направлены меры, предусмотренные подп. «ж» (меры осуществления антимонопольного регулирования и развития конкуренции, включая развитие организованной (биржевой) торговли продукцией организаций ТЭК) и «д» (меры, направленные на развитие конкуренции в отраслях ТЭК на внутреннем рынке и исключение не отвечающей экономическим интересам РФ конкуренции между различными видами российских энергоресурсов на мировых энергетических рынках) п. 22 Доктрины.

Вместе с тем в качестве издержек «добровольно-принудительного» перехода к «зеленой» экономике могут возникать и реализовываться угрозы конкуренции, которые способны причинять России и ее ТЭК существенный вред, в том числе материальный. В этой связи целесообразно законодательно (в том числе в ГК РФ) закрепить положения о правилах возмещения вреда, причиненного вследствие ограничения конкуренции при реализации нормативно-правовых требований по обеспечению энергоперехода. Подобная практика уже формируется за рубежом.

В частности, М.Л. Гальперин приводит пример, когда Нидерланды выступили ответчиком по иску германской энергетической компании, основанному на арбитражной оговорке, содержащейся в Договоре к Энергетической Хартии (Лиссабон, 17 декабря 1994 г.). Истец потребовал от государства выплатить около 1 млрд евро компенсации в связи с ужесточением законодательных требований к использованию угля в рамках перехода к «зеленой» экономике. Аналогичные иски были предъявлены Германии (6,2 млрд евро) в связи с ограничениями для атомной энергетики, введенными после аварии на АЭС «Фукусима-1», Италии и ряду других государств. Данная практика поставила под сомнение полезность самого Договора к Энергетической Хартии, который

⁸ См.: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=@firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102549810> (Дата обращения: 26.11.2021).

изначально был направлен на обеспечение безопасности западных инвестиций в постсоветских государствах, но постепенно (при помощи частного арбитража) превратился в параллельный антидемократический инструмент судебного давления (*truly anti-democratic tool*) на политику независимых государств [13].

О возможных негативных экономических последствиях при переходе к «зеленой» экономике

Для перехода к «зеленой» экономике требуются огромные финансовые ресурсы, новые знания, технологии, материалы, услуги и работы. При этом объемы вложений в безуглеродную энергетику и транспорт, в повышение энергоэффективности, в энерго- и ресурсосбережение, получение и реализацию новых результатов НИОКР все время растут [14].

Обеспечение перехода к «зеленой» экономике основывается на традиционной экономике и использовании преимущественно невозобновляемых ресурсов. Газ как более экологичное в сравнении с углем и мазутом топливо является переходным ресурсом, способным обеспечить плавный переход к низкоуглеродной и безуглеродной экономике.

Однако геополитически мотивированное ускорение энергоперехода, сопряженное с резким прекращением государственной поддержки и введением всевозможных обременений для предприятий, добывающих, перерабатывающих, поставляющих уголь, нефть или газ либо потребляющих произведенную при их сжигании тепловую или электрическую энергию, уже породило ряд негативных для экономики многих стран последствий, делающих невозможным осуществление плавного энергоперехода.

Как отмечает Е.В. Новикова, инвестиции в добычу ископаемого углеводородного топлива, а равно как и в энергетику, транспорт, которые используют это топливо, в настоящее время имеют тенденцию к сокращению в силу того, что рынок затоварен, и поэтому цены снижаются [11].

Помимо обладания энергетическим потенциалом углеводородное сырье является еще и сырьем для создания других материалов. Снижение инвестиций в добычу и переработку угля, нефти и газа может заметно ухудшать условия конкуренции на множестве смежных рынков.

В исследовании Центра энергетики Московской школы управления Сколково подчеркнуто: несмотря на то что платежи по пограничному углеродному налогу (*Carbon Border Adjustment Mechanism*, СВАМ) предлагается взимать лишь с 2026 г. (на первом этапе под них подпадают лишь производители металлов, удобрений, электроэнергии и цемента), предприятия, добывающие, перерабатывающие и поставляющие углеводороды, также могут оказаться в периметре регулирования — если

в будущем во внимание будут приняты и косвенные выбросы парниковых газов (возникающие при потреблении электроэнергии для производства или при использовании продукции)⁹.

Подтверждая, что российский экспорт окажется одним из наиболее затронутых новым регулированием, авторы данного исследования отмечают, что гораздо большим вызовом для России являются другие изменения, предложенные в рамках «зеленого» курса ЕС, предполагающие существенный рост доли возобновляемой энергетики в энергобалансах и ускоренную декарбонизацию транспорта (что должно сократить спрос в Европе на российские газ, нефть и уголь).

По мнению В.В. Потапова¹⁰, в случае введения странами ЕС «пограничного углеродного налога» возникает вопрос о том, кто будет плательщиком такого налога — экспортер или импортер? Евросоюз может обязать платить этот налог в виде таможенной пошлины *только свои организации-импортеры*. Таким образом, для потребителей и производителей стран ЕС углеродоемкая импортная продукция (сырье) станет еще дороже, что приведет к *снижению конкурентоспособности производимой странами ЕС продукции на мировых рынках*. С точки зрения данного автора (на наш взгляд, небесспорной применительно к долгосрочной перспективе) это выгодно и России. При этом важно учитывать, что СВАМ, как отмечает тот же автор, будет применяться и в отношении углеводородной продукции, поставляемой другими странами (70% от общего объема импорта). В настоящее время Швеция и Финляндия экономят на российской электроэнергии углеродный налог в своих странах, относя выбросы при ее производстве к российской квоте. Однако это преимущество может быть утрачено при переходе на собственные возобновляемые биоресурсы.

На фоне энергетического кризиса, с которым Европа столкнулась в этом году, негативные последствия отказа от модели плавного перехода к низкоуглеродной экономике стали очевидными. Критически высокий уровень цен на газ уже оказал опасное давление на промышленные предприятия¹¹. Так, немецкий концерн BASF существенно сократил производство аммиака на своих заводах в Антверпене и Людвигсхафене из-за высоких цен на газ. Немецкий поставщик электроэнергии Deutsche Energiepool разорвал контракты с клиентами, объяснив это трехкратным ростом закупочных цен на газ

⁹ См.: <https://www.kommersant.ru/doc/4987437> (Дата обращения: 26.11.2021).

¹⁰ См.: <https://regnum.ru/news/polit/3072692.html> (Дата обращения: 26.11.2021).

¹¹ См.: <http://rcc.ru/article/rost-cen-na-energonositeli-paralizuets-promyshlennost-evropy-i-kitaya-82813> (Дата обращения: 26.11.2021).

и электроэнергию на срочном рынке и отметив, что «такого быстрого и беспрецедентного развития на энергетическом рынке никто не мог ожидать».

Цена на энергетический уголь в Европе с поставкой в 2022 г. достигла самого высокого уровня с 2008 г. из-за высокого спроса со стороны электростанций и резко сократившихся запасов¹². Спрос на уголь вырос на фоне почти ежедневно бьющих исторические рекорды цен на газ¹³.

Оценивая эту ситуацию, важно учесть, что ранее Еврокомиссия предлагала полностью отказаться от финансирования из бюджета Евросоюза трансграничных проектов в области нефти и газа в рамках правил ТЕН-Е¹⁴. Европарламент в целом поддержал эти предложения, разрешив, однако, финансировать те газовые проекты, которые будут предполагать полный переход на прокачку водорода к концу 2029 г.

Как отмечено в отчете норвежской аналитической компании Rystad Energy, сохраняющийся высокий уровень цен на газ в Европе и Азии усилил также экономические стимулы для перехода с газа на нефть в производстве электроэнергии¹⁵. По оценке экспертов данной компании, при сохранении существующего разрыва между ценами на сжиженный природный газ и нефть спрос на нефть в странах Азии может вырасти в среднем на 400 тыс. баррелей в сутки и поддерживаться до конца I квартала 2022 г.

Основные выводы

Как показывает анализ, к числу основных вопросов, на которые должны быть получены ответы российского законодателя и антимонопольного регулятора в связи с переходом к низкоуглеродной экономике, относятся следующие:

- 1) кто должен оплачивать издержки, связанные с ограничением конкуренции в период такого перехода?
- 2) как должно измениться антимонопольное регулирование?
- 3) должно ли национальное антимонопольное регулирование в сфере ТЭК учитывать фактор «добровольно-принудительного» «озеленения» мировой экономики (прежде всего европейской экономики), реальные условия конкуренции российских углеводородных компаний на внешних рынках, конкуренцию и масштабную про-

тивоправную санкционную практику ряда зарубежных стран и объединений, наносящую вред и российскому ТЭК?

Отвечая на эти вопросы, следует учитывать, что конкурентное регулирование изначально и до недавнего времени развивалось преимущественно как инструмент реагирования государства на вызовы, связанные с экономическим ростом и монополизацией рынков, которые уже сложились (post factum). Исключение составляла, пожалуй, плановая экономика социалистических стран, развивавшаяся на основе прогнозов социально-экономического развития, в которых фактор конкуренции хозяйствующих субъектов внутри страны был сведен почти к нулю (если не принимать во внимание оборонный сектор, эффективность которого определялась прежде всего внешними критериями).

Современная ситуация перехода к низкоуглеродной и «зеленой» экономике лишь на первый взгляд носит объективный характер, основанный на выводе о необходимости неотложных и быстрореализуемых мер из-за угрозы катастрофических изменений в планетарном климате. В действительности, на наш взгляд, правильно говорить *не о переходе к «зеленой» экономике, а о попытке принудительного «озеленения» мировой экономики* не за счет тех, кто больше всех потребляет углеводородных ресурсов и произведенной на их основе электроэнергии, а за счет тех, кто больше всех добывает и перерабатывает такие ресурсы.

С одной стороны, этот сценарий предполагает по сути уже начавшуюся модификацию антимонопольного регулирования стран и их объединений, являющихся основными потребителями углеводородного сырья, которая бы обеспечивала возможность избирательного и произвольного применения антимонопольных ограничений к хозяйствующим субъектам добывающих стран, не удовлетворяющих столь же произвольно формулируемым стандартам «зеленой» экономики.

С другой — требует от российского законодателя и антимонопольного регулятора значительных усилий по пересмотру существующей правовой основы защиты и поощрения конкуренции в сфере ТЭК с учетом внешних антиконкурентных факторов. Помимо закрепления в гражданском и антимонопольном законодательстве правил возмещения вреда вследствие ограничения конкуренции при реализации нормативно-правовых требований по обеспечению перехода к низкоуглеродной экономике, необходимо также проработать вопрос об усилении трансграничной юрисдикции российского регулятора и судов применительно к задаче защиты интересов России и ее хозяйствующих субъектов от ограничивающих конкуренцию решений, действий (бездействия) зарубежных государств и их должностных лиц. ■

¹² См.: <https://www.kommersant.ru/doc/5006292> (Дата обращения: 26.11.2021).

¹³ См.: <https://www.kommersant.ru/doc/5009275> (Дата обращения: 26.11.2021).

¹⁴ См.: <https://1prime.ru/energy/20210928/834820750.html> (Дата обращения: 26.11.2021).

¹⁵ См.: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/09/29/889003-dorogoi-gaz> (Дата обращения: 26.11.2021).

Литература [References]

1. Грицевич И.Г. Перспективы и сценарии низкоуглеродного развития: ЕС, Китай и США в глобальном контексте. М.: Скорость цвета, 2011. 36 с. [Gritsevich I.G. Perspectives and scenarios of low-carbon development: the EU, China and the USA in the global context. M.: Skorost cveta, 2011. 36 p. (In Russ.)]
2. Ермакова Е.П. Судебные иски к правительствам и частным компаниям стран Европы о защите климата в рамках Парижского соглашения 2015 г. (Великобритания, Нидерланды, Германия, Франция) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 604—625, <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-49-604-625> [Ermakova E.P. Lawsuits against governments and private companies of European countries over climate protection under the Paris agreement 2015 (UK, Netherlands, Germany and France) // Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki. 2020;49:6-4-625 (In Russ.), <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-49-604-625>]
3. Новикова Е.В. Зеленая экономика и зеленое право: мировые тенденции // Экологическое право. 2020. № 3. С. 13—19, <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2020-3-13-19> [Novikova E.V. Green economy and “green” law: world tendencies // Environmental Law. 2020;3:13-19 (In Russ.), <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2020-3-13-19>]
4. Ведышева Н.О., Майборода В.А., Бабич А.А., Кологерманская Е.М. Комментарий к Федеральному закону от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (постатейный) // СПС Консультант-Плюс, 2019 (Дата обращения: 26.11.2021). [Vedysheva N.O., Mayboroda V.A., Babich A.A., Kologermanskaya E.M. Commentary on the Federal Law of November 23, 1995 No. 174-FZ “On Environmental Expertise” (article-by-article) // ConsultantPlus. 2019 (Accessed: 26.11.2021) (In Russ.)]
5. Давыдова А. Климат-система // Коммерсантъ. 2021. 27 сент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5005583> (Дата обращения: 26.11.2021). [Davydova A. Climate system // Kommersant. 2021. 27 Sep. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5005583> (Accessed: 26.11.2021) (In Russ.)]
6. Устойчивое развитие и новые модели экономики. Международная научная конференция, посвященная 40-летию кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Сборник тезисов / Под ред. С.Н. Бобылева, С.В. Соловьевой, И.Ю. Ховавко. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. 420 с. ISBN 978-5-906932-36-5 [Sustainable development and new economic models. International scientific conference dedicated to the 40th anniversary of the Department of Environmental Economics of the Faculty of Economics of Moscow State University M.V. Lomonosov. Collection of theses / Ed. S. N. Bobylev, S.V. Solovyeva, I.Yu. Khovavko. M.: Faculty of Economics of Moscow State University M.V. Lomonosov. 2019. 420 p. ISBN 978-5-906932-36-5 (In Russ.)]
7. Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Ховавко И.Ю. Государственная экологическая политика: идентифицируя новые экономические и правовые приоритеты // Экологическое право. 2016. № 4. С. 43—49. [Bobylev S.N., Solovieva S.V., Khovavko I.Yu. State ecological policy: identifying new economic and legal priorities // Environmental Law. 2016;4:43-49 (In Russ.)]
8. Клеева Л.П., Максимов С.В. «Открытая» наука: критический анализ нового проекта ЮНЕСКО // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 1 (25). С. 22—29, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-1-25-22-29>. [Kieeva L.P., Maksimov S.V. Open Science: a Critique of a New UNESCO Project. Russian competition law and economy. 2021;1(25):22-29 (In Russ.) <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-1-25-22-29>]
9. Символоков О.А. Правовое обеспечение развития технологий использования возобновляемых источников энергии // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 53—67, <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.106> [Simvolokov O.A. Legal support for developing renewable energy technologies // Journal of Russian Law. 2020;(9):53-67 (In Russ.), <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.106>]
10. Копылов А.Е. Экономика ВИЭ. М., 2016. [Kopylov A.E. Economics of RES (renewable energy sources). M., 2016 (In Russ.)]
11. Новикова Е.В. Концептуальные основы правового регулирования «зеленой» экономики в России // Экологическое право. 2020. № 5. С. 3—10, <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2020-5-3-10> [Novikova E.V. Conceptual bases of the legal regulation of green economy in Russia // Environmental Law. 2020;5:3-10 (In Russ.), <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2020-5-3-10>]
12. Максимов С.В., Васин В.А. Цифровой конкурентный кодекс: научные предпосылки для разработки // Право интеллектуальной собственности. 2019. № 3. С. 4—8. [Maksimov S.V., Vasin V.A. The digital competition code: scientific prerequisites for the development // Law of Intellectual Property. 2019;3:4-8 (In Russ.)]
13. Гальперин М.Л. Политизация права или легализация политики? О justiciability и доктрине «политического вопроса» на примере международного правосудия // Международное правосудие. 2020. № 4 (36). С. 45—58, <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-4-45-58> [Gal'perin M.L. Politicising law or legalising politics?

Justiciability and the “political question” on the examples from international justice // International Justice. 2020;4(36):45-58 (In Russ.), <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-4-45-58>

14. Юлкин М. Парижское соглашение: трудности перевода. URL: <http://plus-one.rbc.ru/ecology/parizhskoe-soglashenie-trudnosti-perevoda> (Дата обращения: 26.11.2021). [Yulkin M. Paris Agreement: translation difficulties. URL: <http://plus-one.rbc.ru/ecology/parizhskoe-soglashenie-trudnosti-perevoda> (Accessed: 26.11.2021) (In Russ.)]

Сведения об авторе

Башлаков-Николаев Игорь Васильевич: кандидат экономических наук, доцент кафедры Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, член Ассоциации антимонопольных экспертов bniv@list.ru

Статья поступила в редакцию: 29.11.2021
Одобрена после рецензирования: 10.12.2021
Принята к публикации: 13.12.2021
Дата публикации: 08.02.2022

The article was submitted: 29.11.2021
Approved after reviewing: 10.12.2021
Accepted for publication: 13.12.2021
Date of publication: 08.02.2022